

«В 90-е я проснулся!»

Любовь ИСТОМИНА

Фото предоставил А. ШУТИХИН

Серия публикаций, посвященных трудным 90-м годам, продолжается. Но для всех ли это время было таким тяжелым? Для Александра Шутихина, известного в России и за ее пределами мастера по бересте, в этот период открылось второе дыхание и определилась дальнейшая жизнь. Обо всем по порядку – в нашем сегодняшнем интервью.

– Александр, вы знакомы с нашей рубрикой?

– Я могу сказать, что 90-е для меня до сих пор продолжают. В те годы государство позволило людям работать на себя, появилась свобода. Ельцин тогда сказал: «Берите свободы и суверенитета сколько возможно!». Он обращался к главам регионов, но я понял, что это было сказано и для меня. И последовал его словам. Началась рыночная экономика, все изменилось. Мне это понравилось. До сих пор живу, работая на себя и свою семью. И очень этим доволен. У меня нет чувства, что какой-то период закончился и начался новый.

– Родились вы в Котласе?

– Да. Учился в школе № 82, работал на разных предприятиях до 1991 года, когда мне исполнилось 30 лет.

– Кроме школы что окончили?

– Ничего. Я поступил в политехнический институт в Санкт-Петербурге, но не окончил его.

– Почему?

– Будучи студентом, я уже начал работать дворником, сторожем. Получал хорошо: до 130 рублей в месяц. А стипендия была 40 рублей.

– И вы поняли, что лучше работать?

– Да! Зачем учиться, если можно и так прожить. Поэтому институт я бросил и уехал домой. Отслужил в армии и пошел работать. Трудился на стройке, в ГПТУ № 20 и на электромеханическом заводе. У меня были строительные специальности, рабочие: штукатур, сварщик... А 1991 год дал свободу. К этому времени я уже был готов начать свободное плавание. Кроме того, появилась семья. Это положительно сказалось на моем желании более эффективно и плодотворно жить. Получилось, что 30 лет я спал, а потом проснулся.

– То есть для вас этот переворот был со знаком «плюс»?

– Да, я до сих пор благодарю Бога, что все так случилось, что есть возможность заниматься тем, чем хочешь.

– А ваша жена кто по профессии?

– Она окончила пединститут по специальности «Учитель математики». В школе проработала всего три года, а потом ушла в НИИ (она в Волгограде жила). Когда мы поженились, перестала работать. Так, на свободных хлебах, живем до сих пор.

– А как возникла идея изготавливать изделия из бересты?

– Поскольку супруга жила в Волгограде, а я в Котласе, нужно было заниматься чем-то таким, что давало свободу передвижения. И в это время мой брат пригласил меня к себе, в Кировскую область. А у него для фабрики была заготовлена береста, очень много. Он показал, как из нее что-то мастерить (его на фа-

Больше всего Александр любит делать туса.

брике обучили), я попробовал, и мне понравилось. Береста же мягкая, эластичная, с ней приятно работать. И мы с супругой решили изготовить солоночки маленькие. Приехали в деревню, сделали. Затем отправились в Волгоград, и я удачно все продал. Потом вернулся домой, отправил в Волгоград посылки с берестой и сам туда уехал. Работал на дому, а продавал изделия на местном Арбате, он называется Аллеей героев. Там художники сидят с картинами, и я к ним присоединился. Торговля была

удачной, хватало на переезды и жизнь.

– А как осваивали более сложные формы?

– Я мечтал быть как дед Мартын, известный мастер-берестяник. Пошел в музей и по старым мастерам. До Мартына, конечно, не доехал, но побывал в Красноборске у местных мастеров, учился там у Константина Белякова. Потом был в Пинюге. В Котласе в Доме пионеров был мастер Борис Иванович Попов...

– Это было платно?

Мастеру пришлось самому испытывать свои лодки.

– Тогда все было бес­платно. Вот Борис Ивано­вич даже не помнит, когда меня учил. Я пришел на кру­жок к нему, говорю: «Можно я тут побуду?». Он говорит: «Пожалуйста!». Кроме меня там еще были две бабушки и мальчик. Я сплел что-то и ушел. Потом появился уже с работами, он посмотрел и спросил: «А кто тебя учил?». А в Красноборске мой учи­тель давал мне уроки, рас­сказывал о своих приемах. Я его тоже очень ценю.

– А у вас голова запо­минает, как делать, или руки?

– Когда ты работаешь руками, включается голо­ва. Так просто в голову ни­чего не придет, – только когда начинаешь что-то де­лать. Например, повторять чертеж с картинки. Но хочу сказать, что при повторении все равно получается что-то свое. А я всегда попадал в стиль старых мастеров. Еще учился у искусствове­дов. Например, ехал торго­вать в Архангельск и догово­ривался с кем-нибудь встре­титься, например с заведу­ющим каким-нибудь отделом в музее, специалистом по народному искусству или с

членом Союза художников. Обычно люди не отказы­вали. Я с ними общался, пока­зывал свои изделия. Меня в основном хвалили, ругали мало, иногда подсказыва­ли. В начале пути я по мак­симуму с теми, кто имеет отношение к народному ис­кусству, познакомился. Бла­годаря этим знакомствам меня стали приглашать на ярмарки.

– Сколько времени вы уже занимаетесь плетени­ем из бересты?

– 28 лет. Это очень боль­шой срок, особенно для тех, кто занимается этим част­ным образом. Потому что есть более интересные заня­тия. В 90-е годы ремесло для многих было просто спосо­бом заработать деньги. Му­жики тогда вспоминали, что умеют работать топором и руками. А потом, когда на­чались спокойные времена, им предложили новую ра­боту, более интересную и прибыльную. Ремесло бро­сали... Ведь все упирается в деньги: где больше платят, туда и идут.

– А почему не выбрали что-то другое?

– Ремесло мне нравит­ся.

Я получаю от него удо­вольствие.

– Супруга помогает?

– Жена расписывает мои изделия мезенской роспи­сью. Она моя помощница, мой тыл.

– Какие изделия вы можете изготовить?

– Когда я начинал, мне хотелось изготовить все, что только есть. А это очень большое количество изде­лий. Потому что у каждой народности есть что-то свое. Сейчас я не умею делать разве что чум для аборигенов. Это такие шесты, покры­тые летом берестяными по­крышками, а зимой – оле­нными шкурами. Вот бере­стяные покрышки я еще не делал, а все остальное умею. В том числе и берестяные лодки. Но делаю я только то, что мне по душе.

– А что нравится де­лать?

– Туеса и лодки. Сделал уже 19 берестяных лодок. Я единственный такой ма­стер в России. Сейчас увлек­ся кожаными. Занять свою нишу – это очень важно.

– Как родилась идея изготавливать лодки?

– Давно. Сначала уви­дел упоминания о берестя­ных лодках в книгах. Даже в «Большой советской эн­циклопедии» рассказыва­лось о лодке-берестянке, на которой плавают коренные народы Сибири. Там была маленькая фотография. И мне сразу же захотелось сделать такую лодку, но я не знал, как. А когда появился Интернет в 2004 году, я на­шел там множество видео, чертежей – американцы все выложили. Начал собирать информацию и в 2007 году сделал первую лодку.

– И испытали?

– Да. Потом сделал еще лодку и вновь испытал. Так я провел четыре экспеди­ции.

– А что понравилось больше: делать лодку или ее испытывать?

– Конечно, делать. Я во­обще хотел найти человека, который согласился бы на экспедиции. Откликнулся только Виктор Бужинский – он турист. Я его попросил сплавиться из Котласа до Архангельска на моей лод­ке. Он согласился, за что я ему очень благодарен. А остальные экспедиции мне пришлось самому ор­ганизовывать. Мои экспе­рименты были интересны для науки. Вышел докумен­тальный фильм, когда мы строили лодку на Соловках. Я стал популярен после но­востных выпусков на НТВ, меня узнавали на улицах. А ведь сначала с недовери­ем относились к моей идее строить лодки и говорили, что это каноз американских индейцев. Теперь таких раз­говоров нет. Сейчас говорят: «Это лодки, на которых пла­вали наши предки!».

– Какие ваши дальней­шие планы?

– Как можно дольше про­должать свою деятельность. Я хочу обучать людей, про­водить мастер-классы. Правда, среди местного на­селения желающих нет. По­тому даю консультации ино­городним и иностранным начинающим мастерам.